

Сергей Гаврилов

Территория свободы

1. Завидная карьера

Накрыла облака завеса
Осоловевшую луну;
Тащился молодой повеса
В карете к дяде-болтуну.
Сей дядя, самых честных правил,
Сей старый хрыч (допустим, Павел) –
Всегда-то нервов был комок,
А тут – не в шутку занемог.
Бездетный, старость тешить некем,
Лечиться поздно, мажь – не мажь...
И вот спешит к нему племяш,
Евгений, собственно, Онегин.
Спешит, чтоб слушать старца чих,
Летя в пыли на почтовых.

Что за праздник шумит в счастливые последние дни мая? Это герой нашей повести, Женя Онегин двадцатого века, веселится на выпускном школьном вечере. Шампанское на столах – не какое-нибудь французское Аи, а «МЗШВ», но другого не знают, да и не нужно, и без того вкусно и весело. Все кругом говорят про «свежий ветер апреля», но кому интересна политика?

— Женя, ну как, определился с институтом? Ты у нас математик, будущий учёный, – интересовались товарищи.

— Не знаю, наверно, пойду в финансовый...

— Ну, ты чудак! Девчачье занятие, уж лучше двигай с нами в Станкин.

В этот же майский день, но за другим столом, и уже не в Москве, а в подмосковном гарнизоне (где занимаются делами секретными и

космическими), восседает другой персонаж саги: Гремин, обмывающий с сослуживцами третью, полковничью звезду и перевод в столицу. Он не знает пока, кто будет его второй женой – после смерти супруги кадровый служака временно на холостом положении.

На столе у товарищей военных странно было бы найти шампанское. Хотя Гремин не сторонится красного сухого вина: считает, что оно приносит пользу желудку, дубит. Но любит порезонёрствовать в компании:

— Нам-то с вами не тридцать уже. Всё-таки больше подходит коньяк. Расширяет, знаете, пути в организме, гонит жизненные соки. Выкушаешь стопку – и словно крылья выросли.

— Вот жулик, какие ему ещё крылья нужны? – судачат между собой сослуживцы. – И без того все пути открыты, летит от звания к

званию. В таком возрасте – и уже папаха, говорят, в министерство забирают, вот что значит громкая фамилия. А тут сиди, нюхай портянки *личного состава* и глотай гидролизный...

— Как хотите, а мне удивительна такая карьера, – возражает один. – Человек он какой-то промежуточный, неясный... Технику, правда, знает отлично. Но для командира этого мало – надо быть гибче, что ли.

2. Сретенка, девять, Армянский, дом пять

Но вдруг ему скрутила спину
Болезнь, коварна и хитра,
Подобна английскому сплину,
Короче – русская хандра.
За ним девчонок шлялась свита,
А он читал Адама Смита...

Экономист, финансист – эта центральная фигура двадцатого века, его элита – навряд ли мог считаться таковой в СССР. В те не столь уж давние времена, когда комсомолец Женя Онегин, прощаясь со школой, думал о выборе, так сказать, жизненного пути, – торговлю, финансы относили к профессиям маргинальным и даже подозрительным. Хотя полагалось провозглашать, что всякий труд почётен, пусть бы даже подтирать лужи в общественной уборной «Бодрость».

И всё-таки Женя двинулся вслед дяде Паше. Его дядя был *самых честных правил*, всю жизнь работал бухгалтером, дослужившись, наконец, и до главбуха. Ходил в полосатом габардиновом кос-

Об удачливом военном, Гремине, нам предстоит узнать весьма много, и даже (вполне допускаю!) куда больше, чем желал бы читатель. А пока – прицел наведён на главного персонажа, Онегина. И не беда, что уснащено повествование назойливыми эпиграфами в виде отрывков из глумливой версии известного романа в стихах: придется отдавать обязательную дань постмодерну, а как же! Моего авторства вирши, признаюсь. Здесь я хозяин, где вы ещё моё-то прочли бы, а пушкинское – где угодно.

тюме, в галстук и сорочке – «с косточками», как говорила его супруга. В часы законного отдыха дядя учил маленького Женю, как правильно ставить ударения в словах *дэбет* и *кредит*. Приносил ему с работы толстенькие карандаши марки «Деловой» или «Кремль», и ещё пыльные, исписанные химическим карандашом, пожелтевшие книжечки с тисненой надписью «Блок-Нот». Показывал небольшой секрет: если подпороть тонкий кожмнит пухлявых обложек, можно извлечь несколько листков чистой превосходной бумаги, годящейся для рисования. Но Женя не особенно любил рисовать, он с наслаждением ставил на этих листках красным карандашом размашистые

подписи с затейливыми росчерками.

Сосед Зарецкий Михаил, автомеханик, любил подначивать Павла за уличным столом с аккуратно привинченным листом утащенного кем-то с фабрики текстолита. Здесь по летнему времени собиравались любители домино.

— Народ – он этого... Его не обманешь. В продавцы идут жульничать, известно, – рассуждал Миша. – А бухгалтеры, считаю, увиливают от дела – от производства, значит. Скоро объявят коммунизм... профессии, как у тебя, Паша, вообще отменят к чёрту.

— Да ты хоть знаешь, Мишель, что такое коммунизм? – раздражался Павел. – Я, пускай беспартийный, зато экономист – и потому понимаю. Понимаю экономически.

— Фигически! Чистоплюй ты, Павел... во как удалось ухватить! я всегда это самое... ухватываю... называю, короче, своими именами.

В полемику вступал ещё один собеседник: Пётр Онегин, отец нашего Евгения.

— Мишка правильно отметил, что бухгалтерии при коммунизме не будет, – как всегда авторитетно вещал он. – Но пока не в курсе, что и торговлю упразднят. Об этом было закрытое письмо, но я допущен... Нацеливают на другие задачи; как сказал Саша Солженицын: «другая цель судьбой счастливой...» – читали его «Один день Ивана Денисыча»? Сашка в волейбол отлично играет, я обучил... я же тренер – первой, международ-

ной категории. Сейчас, наверно, на вторую сыграю, давно не тренировался.

Несовершеннолетнему Жене – лакированные, с оттененными ребрами, карандаши и чудесно пахнущие клеем конторские книги представлялись заманчивыми аксессуарами завидной профессии.

И ещё понимал Женя, что дядя Павел получает хороший оклад, иногда посещает даже ресторан. Мальчик тоже хотел бы иметь свободные деньги, и покупать, например, немецкие джинсы. Кстати, появилась заграничная обувная новинка: то ли красавки какие-то, то ли красавки, или вроде красовки... Было бы заманчиво достать *красовки* и красоваться перед девчонками.

Итак, Евгений поступил-таки в экономический вуз. Дядя гордился (а папаше, выпивохе Онегину-старшему, было всё равно).

Только сосед, Миша Зарецкий, странно невзлюбил будущего финансиста.

Позже, с началом «реформ», что-то перевернулось в умах. Открылось, что весь мир живет иначе, в своё удовольствие, на дивиденды с акций. А наш-то Мишель, знай, вкалывает за гроши на автокомбинате!

В телевизоре пошло беснование. Очумевший автомеханик Миша, напевая: *Сретенка, девять, Армянский, дом пять, ваши заботы мы сможем понять* – забрал у жены все наличные деньги и сдал в «Русский дом Селенга». Во дворе хвастался акциями (подозрительно напоминавшими старые обесценившиеся облигации послевоенно-

го займа реконструкции и развития). Объяснял подробно, какой *селенг* выгоднее.

— Вот и суди после этого о людях, — говорили у подъезда. — Мишка-то наш — посмотрите — умеет жить. А думали, только на то и годится, что ножи точить или у пивной палатки стоять.

Выпускник института, экономист Женя, слушал всё это молча, но сам никуда деньги не нёс.

3. Хроника текущих событий

Они сошлись, и стало ясно:
Пивбар и угольный забой,
«Москвич» и «Волга», хна и басма —
Не столь различны меж собой.

Юный Вова Ленский всегда имел «пять» за сочинения. Непонятные золочёные надписи в витрине парикмахерских: *хна и басма* — были в его воображении именами жутковатых призраков парикмахерского зала, он представлял их себе невидимыми повелительницами перманента и пергидроля. Те запугивали маленьких детей, приведенных для стрижки, заставляя плакать.

Необычные слова на вывесках неизменно привлекали Вову. Прочитав на афише провинциальной танцверанды: «Дископарад хитовых мелодий», подросток спросил:

— Мам, а каких это мелодий — *хитовых*?

Но матери нравились песни наподобие «Подмосковных вечеров», а также: «В жизни раз бывает восемнадцать лет». Собираясь «девчонками», пели, переиначивая —

Впрочем, что нам за дело до будущих плачевных обстоятельств незадачливого работяги и доминошника? Обратимся к людям заметным. В поле нашего зрения вывернулся ещё один персонаж — Володя Ленский, сосед и приятель Жени Онегина, окончивший ту же школу немного раньше.

сорок восемь лет. Потому она объяснила:

— Да ошибка, наверно, хотели написать — хипповых. Хиппи есть такие, слышал, вроде стилияг? Так вот же, их музыку и будут заводить.

Однако словцо запомнилось. А хиппи представлялись гаденькими человечками, наярывающими развязно на пилах и кастрюлях.

Мечтая о факультете журналистики, Володя Ленский оказался в престижной «Литературной газете», при отделе сатиры и юмора. То была знаменитая 16-я полоса, которой заведовал Павел Феликсович Хмара-Миронов, полковник, бывший военпред, эрудит и остряк, хороший знакомый полковника Гремина. Работать было весело, по рукам ходили машинописные «перечни запрещённых заголовков», подборки смешных цитат из читательских писем, наподобие: «Скажите,

где находится *мировой рынок*, и с какого до какого часа он открыт».

Повеяло вольнодумством, журналисты оказались героями дня. Ленский пробовал перо в серьёзных жанрах.

— Что ты тут понаписал? — возмутился шеф. — «*Да простится нам перифраз известной пословицы...*». Какое есть такое слово: перифраз?

— Ой, конечно же, *парафраз*, — неуверенно поправлялся Володя. Брал листки, вычёркивал и, подумав, ставил: *перифраз*. Редактор вздыхал, выкидывая из текста по десятку слов *сугубо* и *довлеет*, и злополучный *перифраз* тоже. А Володя нёсся дальше: *апробируя новые экономические механизмы...* нет, кажется, *опробируя...*

У него легко получалось писать в избитом ключе: *апологеты, щедро оплаченные из-за океана, лихо передёргивая факты и тиражируя изрядно потрёпанные мифы, льют воду на мельницу...* — но такое дозволялось разве только именитым мэтрам. От молодых ждали чего-то свежего, в духе перестройки. Володя даже ляпнул на летучке, что неплохо ввести в газете раздел «Хроника текущих событий». Бедняга так и не понял, почему все разом замолчали и начали его сторониться.

Что могло сблизить начинающего литератора Ленского с Женей Онегиным, живущим в мире цифр? Общие детские игры — этого мало. Евгению импонировал старший товарищ: начитанный, понимающий искусство, умеющий двумя словами дать неожиданную

оценку новому фильму и книге. Женя ловил себя на том, что приятель выразил и его впечатление, вот только самому не пришло бы в голову вынести столь меткое и нестандартное суждение.

Нравились знакомые Ленского, артистичные, по богемному одетые. Хотелось, в свою очередь, понравиться им.

А Владимира ждёт встреча с симпатичной Олей Лариной в провинциальном городке, куда его командировали представителем прессы (больше никто ехать не захотел). Город, как город; на площади, напротив друг друга, исполком Совета и Дом культуры, в этом последнем — молодежь резвится на своих дискотеках. Но ставят даже и балеты! Оркестра симфонического, правда, нет, и спектакли идут под «фанеру», под аккомпанемент бубнящих репродукторов.

Местный бомонд занимает места в «партере», но партер переделан из бывшей оркестровой ямы, и сидящие там — ничего не видят, исключая моменты, когда очаровательные балерины выходят к рампе. Тут-то и открывается самое занимательное. Во времена Пушкина — за этим, кажется, и ходили в балеты.

Ещё есть ресторан, называющийся, непонятно почему, «Молдавия». Существует версия: это потому, что возвели его в легендарные времена молдавские строители.

Володе нравился город. Пробуждал неясную память раннего детства: белая солнечная известковая стена, почерневший от времени

дошатый лабаз... А может, это воспоминания о счастливых снах?

«Но я уже не трепещу от этих призраков былого, как на крючке у рыболова не биться сну-

лому лежу» – вдохновенно слагал свои строки будущий литератор, ступая по нешироким улочкам.

4. Нужная газета

К тому ж мерещилась победа:
Любил он Ольгу, и одна
Безумная душа поэта
На это, кажется, годна.
Всегда, везде одно мечтанье...
Ещё была сестрица Таня,
Та словно из иных племён.
Но Ленский, Ольгою пленён,
Лишь ей строчил поэмы. Ольга!..
Ему как туз козырный сдан:
Движенья, голос, лёгкий стан,
Льняные волосы... Да только –
Пресна, как манная крупа,
И просто, кажется, глупа.

Может ли быть глупой – молодая девчонка?

Ответим твёрдо и категорично: нет! И если нечто подобное могло запасть в голову Жене Онегину, то лишь по незнанию жизни. Дело не в политкорректности: мол, джентльмен о женщине либо хорошо, либо ничего.

И даже сознаемся, что может быть дурой (ещё какой!) – дама на излёте нескладной жизненной траектории, итог которой приходится подвести коротко: не сумела принести ничего доброго ни себе, ни близким (такое бывает).

А в молодой женщине масса потенциалов, она ещё раскроет себя. Забегая вперед, известимся: наша Оля Ларина XX века окончит (с трудом и неохотно) некий индустриальный вуз, будет считаться в своём НИИ безнадёжной тупицей, впрочем, смазливой. Вдруг выгод-

но перейдёт в совместную фирму с иностранцами, станет зарабатывать вдесятеро больше прежних умников, выскочит замуж за менеджера-швейцарца, уедет с ним в Австрию, и вернётся уже в роли бизнес-фрау, чтобы открыть в России отделение международного банка. Состоятельный супруг останется где-то там, в европейском далеке, потому что западная манера – деньги зарабатывают не для того, чтобы их тратить! – Ольгу крайне раздражает.

И будет объяснять прежним знакомым:

— Трудно всё-таки иметь дело с местным персоналом. Особенно молодёжь: бестолочи, а чуть не проконтролируешь – уже сидят, курят или тискаются по углам. Пропустить их, что ли, через тренинг: во-первых, мотивация, уста-

новка на успех, второе – корпоративные ценности...

А прежний начальник по индустриальному НИИ поступит в её заведение курьером. И вот уже другая, юная Ольга – двадцать первого века, офис-менеджер и HR, гордящаяся дипломом Международной Академии глобализации и акупунктуры, жалуется немолодой президентше:

— Не знаю, как быть с нашим дедом, хоть увольняй: всё путает, такой никчёмный.

— Ладно, подержим пока из жалости. Но ты с ним поостороже, пусть не расслабляется! Объясни: не при совке живёт.

Но это в будущем. А пока что Оля – девочка, заглядывающаяся на интересного брюнета, столичного командированного, да ещё из прославленной «Литературной газеты»!

— Володя, это какой у вас *втопорат*? – рассматривает она профессиональные аксессуары журналиста.

— Что, Оля?

— Втопорат, спрашиваю, какой? Цветной?

Что Ольга для Володи Ленского? Свежесть, красота, предвкушение неведомого счастья – это понятно. А ощущение выпавшей награды? Неясно, правда, за какие заслуги... но, выходит, есть что-то особенное, по каковой причине он предпочтён среди массы прочих, достойных людей.

Не зря в доме Лариных его встречают как своего – и в то же время как почётного гостя, оказав-

шего честь. Умиляет провинциальный уклад, телевизор, накрытый вышитой салфеткой. На верху монументального шкафа стопки пожелтелых, музейного вида журналов.

— А книжки какие-нибудь есть? – интересуется Володя.

— Некому у нас особенно читать, – объясняет мать сестрёнок. – Выписываем газету, конечно – «Рекламу».

— Мама, зачем ты говоришь про чепуху? – зло вмешивается младшая Таня. – Это разве газета? Володя сам из газеты.

— Ну, извините... – смущается Ольга Фёдоровна (ведь вдова Ларина – тоже Ольга, вот такая путаница).

— Мама, ты подумай, зачем реклама, если в наших дурацких магазинах сметают любые товары, как... как санитары леса!

— Володя, вы Танюшку простите, любит перечить старшим, такая уродилась. Как это – зачем? А объявления? Читаешь с удовольствием, живая жизнь, телевизора не надо. Вот, смотри, – приставила мать к глазам очки. – Хотят купить деку, не знаю, что такое. Кто-то продаёт щенков, японский магнитный браслет. Всё полезно знать, нельзя отгораживаться, как ты, от жизни. Интересно, помогают эти браслеты от давления?

— Дека это магнитофон. Мама, ты всегда только говоришь, а проку с твоих разговоров... Эх!

— Не грубиянничай, Таня! – прикрикнула мамаша. – Володя, в этом сундуке книги, вещи мужа по-

койного. Только ведь они же старые... Да вы покопайтесь.

В ящике нашлось допотопное издание романа Эренбурга без первых листов, книга какого-то Ник. Шпанова «Заговорщики» («запрещённая!») – пояснила даже с гордо-

стью хозяйка). И – кустарно, но добротнo переплетённые «Очерки по истории западноевропейской литературы» П.С. Когана. Эту последнюю книжку Владимир выпро-сил взять с собой в Москву.

5. Урок прикладной психологии

Но Ленский данного изъяна
Не видел, скучное бревно!
Её сестра звалась Татьяна,
Как было уж говорено.
Об этой – дальше. И постольку –
Ещё про Ленского и Ольгу:
В смятенье нежного стыда
Глядят на резвые стада,
Владимир к цели прёт упорно,
В семью ввинтился, как бурав:
Красотку водит средь дубрав,
Читает ей романы порно,
Краснея сам от скверных бяк,
А впереди маячит брак.

Дома в Москве Ленский объ-явил Ольгу своей невестой. Впро-чем, о женитьбе думать рано: ему бы встать на ноги (он даже и не журналист настоящий, как считают Ларины, а так, вроде практиканта). Оля обязательно приедет в Москву поступать в институт, и вот тогда...

А Онегин штудировал науку в своём вузе. Объявили громкую борьбу с нетрудовыми доходами. Будущие экономисты собирались на диспуты, спорили вокруг полит-экономики марксизма: теперь стало разрешено.

— Согласно Марксу, пра-вильными ценами и доходами бу-дут только те, которые соответст-вуют основному критерию стоимо-сти по трудовой теории, – объяснял докладчик, комсомольский акти-вист.

— Маркс перевернулся бы в гробу, услышав такое, – возражал Онегин. – Да и не писал он ни о ка-ких критериях.

— Не придирайся к слову, смысл-то этот самый!

— Положим, кроме «основ-ного критерия», есть и другие. Во-просы нормы прибыли, влияния ор-ганического строения капитала. Маркс не виноват, что ты, Слава, до этих страниц не дочитал.

— Нет, дочитал! – кричал Слава.

— Дело не в том. Пафос мар-ксизма, как нам известно, в выяв-лении объективных законов, кото-рые сами прокладывают себе доро-гу. А совсем не в установлении ка-ких-то «правильных» цен и дохо-дов.

— Это только при капитализме. А у нас партия применяет учение Маркса на практике!

— Пардон, — спокойно объяснял Евгений, — Марксизм исследует общество со свободным рынком товаров и труда. Когда государство пытается своими институциями внедрять предполагаемые выводы теории в социум, образуется другая общественно-экономическая среда. Для неё прежние теории недействительны. В этом, как мне кажется, вообще проблема экономической теории: чем более она адекватна, тем больше как бы отрицает саму себя.

Докладчик злился, а студенты смотрели на Евгения с почтением: не боится самостоятельно мыслить. Уважали и за то, что у него всегда откуда-то водились деньги (пусть и небольшие), он легко давал в долг.

— Сегодня вечером идём с нашими гулять по Бродвею, — говорили ему. — Присоединяйся, как раз для одной девчонки пары не получается!

Бродвеем звали улицу Горького. Точнее, начальный отрезок, до Маяковской.

— И что там делать? — отвечал Женя. — В семь часов всё закрывается, пачки печенья не купишь. Вы не знаете, каков настоящий Бродвей? Нет, не пойду...

Однажды, на студенческой вечеринке, подошла и села рядом высокая девушка с прекрасными зелёными глазами за очками.

— Женя, ты её знаешь? — спросил одноклассник. — Это Наталья, хотела с тобой познакомиться.

— Не Наталья, а Наталия, — поправила строгая красавица.

— Ну, пусть, — махнул приятель, — короче — Наташа. «Э-э-эх, Наташа, свадьба наша...»

— Игорь Игоревич, что это с вами? — девушка вдруг подняла на нахала глаза, внимательно и укоризненно посмотрела. Тот смутился и отошёл.

Наталия имела повадки настоящей женщины, это было для Жени ново. Восхищало и то, что она свободно читает английские книги в оригинале. Онегин сам стал подтягивать язык.

Иногда он приносил девице маленькие подарки — заграничные вещицы, ему нравилось, как независимо она принимала дань, клала рядом с собой, но, исподтишка косясь, любопытно рассматривала.

Весенним днём, во время очередной совместной прогулки, Женя сделал комплимент глазам девушки, и Наталия вдруг сказала:

— Это глаза ведьмы, в них особенная сила. Видимо, Евгений, вам придется на что-то решаться.

У Жени сжалось внутри. Он почувствовал, что на него давят, и это оказалось ужасно! Тогда ещё не обучали — на множестве курсов — психологической устойчивости, но Онегин как-то интуитивно вывернулся, сделав вид, что не понял.

Наталия больше не подходила, на предложения прогуляться коротко отговаривалась занятостью. Онегину было больно: что-то разрушилось... Но через такое следовало пройти.

А влюблённый Владимир с трудом дождался следующего лета, и решил вытащить с собой в отпуск приятеля:

— А что, едем! Гостиница, отдохнёшь среди природы. И есть, знаешь ли, вторая сестрица... хва-

тит дурака-то валять. Морочишь барышням головы.

Минула весенняя сессия. Друзья взяли билеты и покинули пыльную, грязную и скучную Москву.

6. Солёные грибки и девушка

— Нельзя ли, — говорит поэту, —
Увидеть мне Филлиду эту,
Предмет и мыслей, и пера,
И слёз, и рифм?.. — Давно пора!
Явились. Ларина-вдовица
Радужно встретила друзей...
Не дом, а древности музей:
Водой брусничною давиться,
На доморощенную снедь
В досаде дуться и краснеть.

Позавидуем отрокам девятнадцатого века, получавшим классическое образование: мифологии и древней истории обучали тогда превосходно. Сейчас, если найдётся некто, кому ведомо, что Римская Империя и Священная Римская Империя — это совершенно не одно и то же, — то уж он эрудит.

Филлида, героиня древней мифологии, покончила с собой от тоски, ожидая своего жениха. Ольга Ларина менее всего похожа на эту самоотверженную и страстную деву.

— Познакомьтесь: Онегин Женя, мой друг, — сказал Владимир. — Учится на экономиста; да он, в сущности, уже экономист.

Оля и Таня с интересом и, кажется, с удовольствием рассмотрели новую персону. На скатерть выставились солёные грибочки.

— Оленька сама собирала осенью! — объявила Ольга Фёдо-

ровна. — Она и собрать, и покушать любит.

Находить в лесу грузди малолетнюю Олю учила бабушка. На полянке, покрытой слоем осенних опавших листьев, замечаешь небольшие кочки. Их-то и надо разгребать! Грузди удивительно вкусны — даже просто в отварном виде.

Намного чаще попадается чёрный груздь — чернушка. Именно засоленная чернушка, как никакой другой гриб, консервирует в себе терпкие и горьковатые ароматы леса: Оле чудится и прелый лист, и смолистая еловая веточка, и кора осины. Всё это так трогательно вспомнить зимой, за воскресным обеденным столом.

Ольга Фёдоровна Ларина связист, работает на городской телефонной сети. Служба нетрудная: автоматическая станция, как-никак, делает всё сама. Только шумно.

Кто-то, в одной из городских квартир, поднял телефонную трубку. Ларина, находясь в автозале, определяет это по щелчкам реле. Затрещали искатели: набирают номер, а какой именно – со временем даже определяешь по звуку. В линию побежали электрические искры, и где-то заверещал звонок. А вызывающий абонент вслушивается в длинные гудки, не зная, что это называется сигналы *контроля посылки вызова*.

Снова щёлкнуло – на другом конце сняли трубку и начали говорить. Можно подключить контрольную трубку и послушать: иногда интересно.

Дежурным достаёт времени вязать, поливать изобильные цветы, пить чай в комнате отдыха. К чаю приносят баранки, изредка торт. Ценился бисквитно-кремовый, а вафельный «Сюрприз» считали не заслуживающим внимания. Потом почему-то (Ларина не может вспомнить – почему), наоборот, все гонялись за вафельными.

Настоящая работа начинается, когда приходит заявка. Линей-

щики вызванивают «пару» в кабеле, Ольга Фёдоровна отыскивает её на кроссе, производит *проключение*. Записывает в журнал.

Приводили сюда Олю, хотя и не положено посторонним... Но – довольно бы девке «отдохнуть» после школы, почему бы не поступить на чистую работу?

— Мам, как ты тут разбираешься? – интересовалась девушка. – Всё опутано проволоками!

— Ты просто без привычки. Мы-то каждый провод знаем.

— Нет, я бы ни за что не согласилась... И слова у вас какие-то страшные: статив, гром-полоса.

Вернёмся в дом Лариных, где два приятеля сидят за домашним столом с картошечкой и грибами, а хозяйка подливает самодельного яблочного вина. Володя восхищается... А на вкус Евгения – что хорошего в солёных грибах, в сладком «вине», в мешанской салфетке на телевизоре?

Крайне интересно только одно: тёмные глаза Тани, глядящие на него из угла.

7. Сопутствующие вещи

И дождалась! Открылись очи,
Но, говорят, любовь – не Сочи.
Сменились в голосе тона:
Гостей не слушает она,
И в ослепительной надежде,
В порыве чувственных забот,
Блаженство тёмное зовёт...

Природа требует своего и взимает дань. Конечно, шестнадцатилетняя Таня подумывает о «блаженстве тёмном». Не то, что она так уж озабочена похотью. Можно

сказать, что, словно загадочная Сара Вудраф у Фаулза, Таня жаждет свободы, в том числе, быть может, и через сексуальное. Но ни к чему нам забегать вперёд.

Мамаша Ларина считает, что – пусть вокруг и «перестройка», но ничего особенного не происходит, Татьяна же улавливает, к чему идёт дело.

Она ни на минуту не принимает всерьёз советскую риторику, хотя и помалкивает об этом. Западные фильмы, журналы явственно говорят: живёт она не так, как следует и как желает. Сестрица Оля считает, что надо устраиваться соответственно возможностям и обстоятельствам:

— А что, духи «Сигнатюр» болгарские – вполне даже ничего. Лучше наших-то! Тебе, Танька, «Фиджи» купили, скажи спасибо – а не вороти нос.

— Спасибо. Хорошие духи... Только я, может, другие бы выбрала, – тихо отвечает Таня.

— Ну и дура, – возмущается Ольга. – Где ты выберешь? И так материн знакомый достать помог... Тот, из универмага.

— Знаю, – вздохнула Таня, – товаровед какой-то отвратительной секции: «Соответствующие товары». Продают таблетки от мух. Ничего не видим, кроме дешёвки, разве так живут...

Таня вообще почти не пользовалась косметикой. Ленский заметил ей однажды стороной:

— И зачем Оленька так намазывается? Ей этого совсем не нужно, без того красавица! Только мне сказать ей об этом неловко, обидится, пожалуй.

— Володя, ты и в самом деле не знаешь, зачем девушкам косметика? – спросила Таня. – Думаешь,

чтобы украсить? потому что идёт?

— Странно... а для чего же тогда?

— Очень просто. Сестра сигнализирует тебе: вот посмотри, это всё для тебя, я доступна. Как у американцев: «сексапил», половой призыв.

Владимира шокировала такая откровенность, исходящая от школьницы. Но и призадумался журналист!

А в упоминавшейся газетке «Реклама» наткнулась однажды Таня на удивительное объявление.

«Куплю: шляпу «борсалино», ботинки «инспектор» и сопутствующие им вещи».

Девочка была поражена. Ещё не знали слова *бренд*, но Таня чутко восприняла благую весть, сигнал, посланный из другого мира – не ей, правда, но... Но этот мир, быть может, где-то рядом с ней, и ждёт.

Особенно заинтриговали *сопутствующие вещи*. Они подтверждали обещание открытий, куда более захватывающих, чем непонятные ботинки «инспектор». Нечто такое носилось в воздухе; ну значили же что-нибудь нескончаемые похороны генсеков!

И тогда произошла в добропорядочном семействе одна история – до ужаса неприличная. В которой фигурировали и ботинки «инспектор», и иное многое... Родственники ахали, московская тётка, врач, даже предлагала содействие в некоторых деликатных услугах, но ничего такого было не нужно. Это

нелёгкий рассказ, и пусть поведаёт о сём его героине – в той мере, в какой сама пожелает.

Онегин, друг Володи Ленского, не блистал ни фотоаппаратурой, ни щегольской репортёрской курточкой. Но в Жене Таня мгновенно опознала своего.

Проходили дни безделья, Евгений избегал навязчивых визитов к Лариным, пусть уж Володя отдувается в звании жениха. Ему нравились прогулки: выходить из тесноты города к весёлым зелёным

холмам, встречать на пути сёла, церковки без крестов, спокойную речку и стебли водяного перца на тёплом мокром песке. Потом возвращаться, радуясь вынырнувшим из-за холмов рядом жёлтых домов окраинной улицы, с тихими булочными.

Но иногда осматривался вокруг, думая, не мелькнут ли знакомые тёмные глаза странной школьницы.

8. Лента Нёбиуса

Я к вам пишу, чего же боле?
Что я могу ещё сказать?
Что угодило сердце в сети, –
То в вышнем суждено совете!
Вообрази, я здесь одна,
Кругом – придурки и шпана...

— Женя, ты зайди к Лариным-то, неловко, давно не был, – сказал Владимир. – И Таня про тебя спрашивала.

Евгений ожидал подобного, и, непонятно волнуясь, пришел он в знакомый дом. Почему-то обрадовался, что присутствовали и посторонние персоны.

— Знакомьтесь, Евгений, это наш дядя, Иван Фёдорович, – представила Ольга. – Он, знаете ли, учёный, физик, что-то такое открыл. Или открывает.

— Ну, уж ты скажешь, племянница – учёный, – улыбнулся дядя. – Просто радиомастер, вузов не кончал. Однако разрешите представиться: автор теории.

Дядя Иван был своего рода гением. Обладал сверхъестествен-

ным напором, даром убеждать, умел заражать кипучей уверенностью (по меньшей мере, озадачивать ею). В спорах прекрасно держал удар и никогда не отступал, энергично уводя дискуссию от слабых мест своих идей в боковое русло.

В душе не сомневался в правоте, а сомнительные моменты числил недоработками, которые разъяснятся в будущем как-то сами собой.

— Я, конечно, не компетентен... – спросил Женя. – Но как же вы делаете открытия, если не специалист?

— Ну, ты, москвич, удивил! – рассмеялся дядя. – Разве не знаешь: незашоренный, острый и свежий ум

скорее выдвинет что-то новое, чем официальные ученые.

— Что ты пристал-то, Ваня, — вмешалась Ольга Фёдоровна. — Женя студент ещё, твоей науки не поймёт. Человек здесь на отдыхе.

— Ученые занимаются профессионально... — заметил Женя.

— Верно говоришь! Их мысль идёт по накатанной колее, по книгам. А современность — она требует опрокидывания устоев. Теорию фундаментального поля создают с чистого листа, тут главное незамутнённость. Как сказал Эйнштейн... знаешь про такого?

— Эйнштейн? — удивился Евгений. — Слышал.

— Вот видишь, а ещё споришь! Как сказал Эйнштейн: «знаю, что ничего не знаю». Гений, а не знал, а я вот знаю! Скоро и все узнают...

— Дядя Ваня, не хочешь ли посмотреть телевизор? — перебила, порозовев, Таня.

— А, правда, включи, надо быть в курсе.

Пробираясь к аппарату, Таня по пути незаметно сунула Евгению записку, плотно свёрнутую.

— Что ты, девка, крутишься тут... как лента *Нёбиуса*, — буркнул Иван.

«Так!», — охнул про себя Онегин, ощупывая письмо. — «Так, понятно. А что понятно? Любовное письмо, что ли?» — Он потихоньку сунул письмецо в карман.

Вернувшись в номер, Евгений развернул записку.

«Завтра в 11 часов напротив ресторана «Молдавия».

Значит, предстояло объяснение. Таня нравилась ему, даже очень нравилась. Но он понимал, что будут какие-то сложности, «problems», проблемы. Она ещё школьница, а зачем ему приключения? Достаточно взглянуть в тёмные глаза, чтобы усмотреть в них проблемы, так, как будто они выложены на ладони.

Онегин уронил бумагу, которая (видно, долго берегли в кармане!) тут же снова скрутилась. «Как лента *Нёбиуса*» — усмехнулся он.

9. Толстяк на связь не выйдет

Татьяна тронет нос ли, лоб ли, —
Всё душно в девичьем мирке.
Переживанья, слезы, сопли...
Письмо дрожит в её руке.
Заходит нянюшка. — А ну-ка,
Пошли с письмом тихонько внука!
— К кому? — Да что ты, как назло...
О ком наемни дело шло!
Итак, письмо пришло в движенье,
Страшит Татьяну результат.
Ей томно, домочадцы злят,
Она бормочет: Женя, Женя!
И, сидя у окна в белье,
Рисует вензель О да Е.

О беспокоящем письме Онегин, конечно, ничего не сказал Владимиру. Хотя и нуждался, по настоящему, в совете друга, потому что попал в совершенно ненужную, никчемную историю.

И надо же: как раз в эти дни влип неосторожно в одну скверную историю полковник Гремин. Случилось дело журналиста-шпиона Ильи Сулова. Летели головы и партбилеты.

Суть была известна из сенсационной статьи «Голстяк» на связь не выйдет». Хромой журналист брал интервью у компетентных деятелей космической отрасли – Минобщемаша. Ничего особенного, кажется...

Но в начале беседы давал понять этот поганец о своей осведомлённости в секретах. Еще бы: сын покойного секретаря ЦК Михаила Сулова (как рекомендовался). Произносил между делом слова, известные лишь людям допущенным: «Алмаз», ДОС, УР-500... Собеседники расслаблялись, да и выбалтывали лишнее.

В публикации не назывались имена ротозеев. Но Виктор Гремин знал, что особенно подставился Василий Мишин, заместитель Королёва, занявший его должность после смерти корифея космоса. А также космонавт Игорь Волк, которого готовили ведущим пилотом корабля «Буран».

На гребне скандала учинили строгую комиссию по проверке соблюдения правил секретности.

— Ну, что же... Тебе, Виктор Иванович, и возглавлять комиссию,

– улыбаясь сладко, сказал начальник. – Ты человек у нас новый. Тебе надо это самое... короче, зарекомендуешь себя, окажешься на виду.

Тут бы Гремину призадуматься: что-то не так, дело явно воющее – раз подставляют новичка. Но простоватый полковник счёл сомнительное назначение своим звёздным часом! Придя из первого рейда, похвалялся:

— Василий-то Палыч... Чуть ли не на коленках сейчас. Войди, говорит, в положение, с кем не бывает!

И прибавлял сурово:

— Со мной же вот не бывает! Ишь, академик, едри его...

Окружающие осторожно помалкивали, но в следующий раз отправился на контроль в пару с Виктором Ивановичем спокойный человек, сотрудник известного Комитета, представившийся капитаном Ивановым.

— Хочу вам доложить про товарища Сумчатого, – обратилась немолодая женщина. – Как член партии... Надо бы проверить.

— Сумчатый начальник отдела, – пояснил Иванов на безмолвный вопрос Гремина. – Так, что у вас там?

— Знаете, в столе держит тетрадь, я смотрела: всё формулы... Думаю, что по тематике. Как же так, ведь полагается в спецблокноте. Кто угодно может...

Комитетчик насторожился.

— Кто угодно? Вы из службы режима, и у вас тут, кажется, гуляют посторонние с улицы?

— Нет, что вы, — испугалась доносчица. — Никого, мы следим... бдительность!

— Вот видите! На что же вы жалуетесь? Вас бы саму надо привлечь. — Дама побагровела.

Когда выходили, полковник поинтересовался:

— Зачем вы так — с этой жалобой? Разгильдяйство, мужика надо поправить, призвать к ответственности.

— Ты, Виктор Иванович, как думаешь, — лже-капитан взял его под руку, — наша с тобой задача какая?

— Я человек военный. В приказе написано: выявлять предпосылки к нарушению...

— Объясняю: на самом деле — дать людям спокойно работать. И не горячись, мы не знаем, как оно завтра повернётся.

Так и случилось. Секретное слово «Буран» узнали миллионы. Осталось непонятным, чьим конкретно шпионом был журналист с кодовой кличкой «Голстяк», кому пересылал сведения, цена которым грош.

На Гремина косились, но позже было ещё много всего, и конфуз забылся. Тот сладкий начальник стал фактическим владельцем крупного холдинга, олигархом. Виктор Иванович наивно позавидовал, но зря, зря! Бывшего военного мигом сменили молодые волки без особых комплексов, первое их поколение тут же полегло на кладбища с пулями в головах.

Кажется, мы ненароком забежали вперёд. Онегин приближается к ресторану «Молдавия»: предстоит тяготящее его объяснение, он выйдет на связь.

10. Никчёмное объяснение

Не сладко в девках гробить век-то
В тоске у чайного стола.
Но всё же скорого эффекта
Татьяна, право, не ждала.
В тот век была шустрее почта.
Татьяне, в сновиденье точно,
Как сквозь магический кристалл,
Онегин сумрачный предстал.
Чтоб не тесниться в душной зале,
Пошли на воздух, и меж роз
Онегин форменный допрос
Затеял: «Вы ко мне писали, —
Хорош же маменькин догляд!» —
И начал скучный свой доклад.

— Женя, я недавно чуть не вышла замуж.

Парочка неспешно следует по улице по направлению к окраине.

— Вот оно как? — оборвалось что-то в нём. — Ты, вообще-то, можешь не рассказывать...

— Нет, я должна. — Таня уставилась в потрескавшийся ас-

фальт. — Это был иностранец, из Германии — той, западной. Приехал в город по делам. Склонял к немедленному замужеству.

— Наверно, красивый?

— Да... но ты не понимаешь... не в том дело!

Дело было, действительно, не в том. Тане нелегко объяснить. Молодой мужчина, в прекрасных ботинках, каких в советской торговой сети не достать (наверно, это и есть умопомрачительная модель «инспектор»). В костюме с блеском, как у Андрея Миронова в комедийной «Бриллиантовой руке».

— Видишь ли, на Эмиле такой костюм не казался смешным. Он был прекрасным. Потому что... — Таня задумалась. — Я раньше не знала, что можно так носить вещи, — у нас не умеют.

— Я понимаю, — сказал Евгений.

— Не уверена... Например, Ольга не поняла. А он носит одежду с каким-то достоинством... И в то же время так свободно, как будто она ничего для него не значит! А вещи же дорогие.

— Знаю, представляю, я видел иностранцев, — заторопился Женя, — и даже... — Но спохватился, и больше уж ничего не прибавил.

— У вас там Москва, территория свободы. А у нас... ты и сам всё видишь.

Они дошли до конца улицы, вышли к холмам. Евгений собрался с путанными мыслями.

— Таня, а стоит ли придавать такое значение дорогим вещам?

— Конечно, не стоит! Но я разве о шмотках? — удивилась Таня. — Я о свободе! Если не захочешь, можешь не отвечать... ты веришь в Бога?

— Не знаю... Вряд ли, — смутился Женя.

— А я верю... Иисус говорил: «Я пришёл для того, чтобы имели жизнь, и имели с избытком». Неужели у нас с тобой будет вторая, чистовая жизнь?

«С тобой?» Евгений не знал, что сказать, — и понимал, что выглядит глупо.

— Так что же, выходит, расстроилось дело? — неловко поинтересовался, наконец, он.

— Мне трудно рассказывать, — ответила Таня. — Привёл меня в ресторан «Молдавия». Эмиль производит впечатление на всех: вежливый, но с достоинством. Вроде и сосредоточен, но как-то умеет всё вокруг заметить. Очень раскован, а у наших только чваниться и выходит... Но этикет! Отодвигает даме стул, — и всё-то у него получается само собой, привычно.

Евгений задумался. Да, эта удивительная девушка по развитию — совсем не Ольга. Словно бы Таня намного взрослее его самого...

— Подошла к столу официантка, я её даже знаю. — Тане было трудно говорить. — Слегка коснулась прекрасного костюма рукавом белой блузки. Эмиль — я видела, совершенно машинально, но как изящно! — взял бумажную салфетку и начал вытираться: «обслуживающий персонал, дескать, холуи»... Как будто прикоснулся к

лягушке! Я представила, что он и после моих касаний так... замыкает.

Молодые люди поднялись на холм, с которого была видна городская окраина.

— Женя, – обратилась Таня, – забери меня с собой.

Тихие слова раздалась громом.

— Женя, – повторила она, – не думай, я не собираюсь только брать. Скажи, что я смогу тебе дать, решай.

У Жени – знакомо, панически жгало во внутренностях. О чём она? Девушка прекрасная... Но как же так решать, и куда забрать? К выпивохе и болтуну отцу? Да кто позволит, мы, в сущности, дети. Наталия зрелая женщина и знала, чего хотела, а что знает эта школьница?

«Спокойно, на тебя давят, соберись!» – внезапно предупредил внутренний голос. – «Прикладная психология, прикинься дурачком».

— Это верно, да, скоро ты окончишь школу, приедешь в Москву поступать в институт, – глупо

замямлил он. – Будем видеться чаще...

— Ладно, пошли обратно, – вздохнула Таня. – Евгений, вас, наверно, будут просить в гости на мой день рождения, зимой. Знайте, что я тоже вас приглашаю.

Онегин не сразу понял, что Таня вдруг перешла на «вы». Ему сделалось ужасно стыдно – но и проще же как-то!

— Миленькая, ради Иисуса... – раздался слабый голос. К нашей паре подковыляла старуха без ноги, страшно прыгающая на единственной конечности и деревянной клюке. – Девочка, красивая, пятнадцать копеечек бабушке на лекарства, что тебе стоит, а уж Бог тебя...

Попрошайка обращалась к Тане, но Евгения как-то передёрнуло, он торопливо полез в карман, покраснел: сначала вывалилось скрученное девичье письмецо, потом нашлось десять копеек – пятнадцати не было...

А Татьяна вскинула гневно голову, отвернулась от нищенки и быстро зашагала вперёд, чтобы не видели её лица.

11. Железная музыка и таксимания

Но вот и Тани именины!
В гостинной встреча новых лиц,
Играют шахматисты блиц,
Тут не увидишь скучной мины,
Тарелок звон, из кухни чад,
Смеются, спорят и пищат.

Для чего мы всё-таки едим: чтобы просто напиться? А может быть, ради хорошей компании? Или чтобы побыть с дорогим человеком? В роскошном месте, кото-

рое нравится само по себе? Или отвесть редкого, желанного блюда? Вот сколько ситуаций.

Принятие пищи ради торжественной даты, на банкете – это са-

мое тривиальное и отчасти пошлое; Онегину никогда не нравились домашние праздничные застолья, хотя другого опыта у него пока что не было. Правда, однажды случилось парню быть в ресторане, в компании своего дяди и его жены. Все восхищались нежной и постной баночной ветчиной, а Женя смотрел на бутылку советского шампанского со смазанными чернильными штампами общепита на белой этикетке.

Стол, накрытый в конце морозного января на семнадцатилетие Тани, по-деревенски обилён, но неприхотлив. Как выразилась Ольга Фёдоровна: «собрали столик, какой уж смогли». Гостей немало, и прибыла даже московская тётя Любовь Дмитриевна, она долго мыла руки: каждый палец отдельно, потом чудно выскребала середины ладоней.

— Ну, Танюшка, – вздохнула она, – дай тебе Бог всего: счастья... А лучше удачи – счастье обманет, а удача не подведёт.

— Тётя Люба, какой же бог, ты разве веришь? Ведь ты медик, медицина – наука, – хихикнула Ольга.

— Знаешь, Оля, и я раньше так думала. Была молодым врачом – точно знала, что надо делать. Но чем больше работаю, тем меньше в чём-то уверена...

Поднялся близкий родич Лариных дядя Коля:

— Поднимем, как говорится, тост за нашу именинницу...

Выпили и закусили.

— А хорошо, оказывается, закусить солёным помидорчиком, – чрезмерно громко восхитился Володя Ленский, – так и смыкает. Ты что же это, Женя... До дна, до дна! Обидишь хозяев.

— Ну, а теперь, как положено по-нашему, по-русски: за мать, за Ольгу – то есть, Фёдоровну! – провозгласил Иван Фёдорович, домашний физик. – Фёдоровна, тебе портвейну?

— Ой, нет: говорят, нельзя смешивать, голова будет болеть. Лучше уж немного – да водочки...

— Это верно, нельзя понижать градус, что даже из положений науки следует. Голова там, и все прочие органы... це-ка ка-пе-эс-эс...

Кстати вспомнив, что московский жених Ольги – писатель, дядя Иван поднялся и продекламировал поэму своего авторства «Платёжеспособность». Закончил строфой:

Но когда хоронили мы Брежнева –
Я закона сухого не снёс:

Выпил в трауре ящик «прибрежного»,
Только пьян был от горя и слёз!

Все зааплодировали. Михаил, двоюродный, пожелал высказать имениннице тонкий комплимент. Но почувствовал, что как будто отсидел язык, и, потянувшись с рюмкой к Тане, решил быть предельно кратким:

— Краса – не... невероятная. – Обдумав сказанное, поправился: – Непомерная!

— Хорошие у тебя дочери, Ольга! – выкрикнул дядя Коля. – Нынче мóлодежь – просто хунвен-

бины, то есть неформалы, моя цельный вечер заводит на шарманке гадость всякую: железную музыку.

— Металлическую! – поправил кто-то.

— Без тебя знаю. И ещё пишут, что кругом *таксимания!*

— Токсикомания, – с ударением на последнем *и* уточнила тётя Люба.

— «Такси-мания?» Любят кататься на такси, – пьяно хихикнул Ленский, не зная, что дурацкая

шутка сейчас же обернётся неожиданной и тягостной реальностью.

Скучая за столом, Евгений понял, что девчонки тоже скучают и досадуют. Шепнул что-то Оле... Двое молодых людей накинули пальто, отпихнув кота, обнюхивавшего в тесной прихожей ботинки гостей. Очень кстати возле подъезда фыркала красным дымом машина такси.

Застолье продолжилось уже без них, Владимир ничего не заметил.

12. В автомобиле с Бондом

Банкет кипит бокалов плеском,
Кто ложкой в суп, кто вилкой в гриб...
Но вот в дверях Онегин с Ленским.
Евгений ахнул: «Вот так влип!
Гостей толпа, закусок море,
Татьяна Ларина в миноре,
Знакомых рыл наперечёт...
Постой же, Ленский, старый чёрт!»
Отбив у Ленского подругу,
Он пригласил на котильон.
Хоть был в том танце не силён,
Но подучил такому трюку,
Такие отмочили «па», –
Что прямо ахнула толпа!

О чём говорить с девушкой, не блещущей интеллектом, к которой равнодушен, – если требуется убить время? Да просто развлекать её любой чепухой, какая придёт в голову – всё годится!

Женя облегчённо вздохнул, улизнув с пиршества. Он знал, какой может быть настоящая еда и выпивка, знал от специалиста, Джеймса Бонда, агента 007, персонажа подаренной Наталией заграничной книжки Флеминга.

— Оля, ты слышала про Джеймса Бонда?

— Ага, такой шпион! – оживилась Оля на заднем сиденье «Волги». – Только не читала... у нас разве печатают?

— Я прочёл по-английски, – объяснил Женя. – Приключения агента 007 начались на курорте Руайяль... Хочешь, я расскажу тебе, что он съел и выпил за неполные сутки?

— Расскажи, интересно.

— Итак, утро, то есть одиннадцатая. Бонд завтракает в номере отеля «Сплендид»: яичница из трех яиц с беконом, полпинты ледяного апельсинового сока...

— Полпинты – это сколько?

— Очень большой стакан, – объяснил Евгений. – Потом двойная порция кофе без сахара. В час дня Бонд сидит за коктейлем в баре другой гостиницы – «Эрмитаж». Знакомится с красоткой Веспер Линд. В два уже проголодался...

— С одиннадцати часов?

— А что ты думала? Направляется к себе, то есть в отель. На бульваре на него совершают покушение бомбисты.

— Ох!

— Что не портит аппетит: чуть оправившись, уже в половине третьего, в номере он употребляет виски со льдом, паштет из гусиной печени, холодного лангуста и тосты с маслом. Вызывает массажиста, потом – послеобеденный сон.

— Мангуст – это, наверно, вкусно! – задумалась Оля.

— Шесть вечера, – продолжил Евгений. – Бонд в казино выигрывает по мелочи. Агент Феликс Лейтер приглашает его в бар. Джеймс заказывает коктейль по своему рецепту: три дозы джина, одна – водки, что-то ещё, взболтать со льдом и добавить ломтик лимона.

— Наш дядя Иван говорит: смешивать нельзя...

— Это у нас так думают. А за границей... – Женя махнул рукой. – В общем, друзья отправляются в «Сплендид», где Бонд отдыхает.

Девять – время ужина, и Бонд ведёт мисс Линд в ресторан отеля. Заказывают на двоих: графинчик водки, икру – с тостами и яйцами. Съедает говяжье филе. С беарнским соусом и артишоками. И ещё половинку *фрукта авокадо* с французским соусом.

— Повезло этой Линд! Ты Таньке не рассказывай, она только злиться будет. Мол, у нас этого не достать, и вообще...

— Вряд ли для неё тут новость, – усомнился Женя. – Но водка – это вступление; дальше Джеймс выбирает шампанское Блан-де-Блан Брют.

— С шампанского всегда начинают, а водку уж после, – удивилась Оля.

— А у них, видишь, не так. В половине одиннадцатого Джеймс Бонд начинает игру в карты против злодея – Ле Шиффра: сначала проигрывает, но, наконец, сам обчищает противника. Выпивает поднесенное кем-то Клико.

— Опять шампанское?

— Да. Два часа ночи, Джеймс и Веспер входят в ночной клуб «Галантный король», отпраздновать успех. И – вот чудак! – воскликнул Евгений. – Только что выиграл сорок миллионов старых франков, и заказывает... яичницу с беконом!

— Это сколько же будет на наши деньги?

— Сорок тысяч фунтов стерлингов, на рубли – около восьмидесяти тысяч по курсу Госбанка (но только этот курс ничего не значит). Бонд снова берёт «Вдову Клико», а

позже и вторую бутылку. Тут Веспер похищают, начинаются приключения, погоня на автомобиле и всякие ужасы.

— Столько выпивши, и за руль? – заметил слушавший молча водитель. – У нас бы мгновенно права отобрали.

— Вот и ты меня похитил, как Веспер, – усмехнулась Ольга. – Неудобно, что скажет Володька?

Такси остановилось. В городе, где проживают Ларины, есть ночная дискотека, сюда-то и явилась наша парочка – размяться, повеселиться.

— А что, Оля: ты можешь показывать брейк-данс, электробуги? – спросил, входя в двери Дома культуры, утончённый москвич Евгений.

— Как? Ой, да что ты! У нас тут по-простому. Слышали, конечно, про брейк... А ты неужто умеешь?

— Пойдём, со мной и ты сможешь.

Володе Ленскому нетрудно было выпросить у Тани, куда ис-

чезла та, кого он называл своей невестой. Недоумевая и негодуя, пустился он вдогонку. Рядом с входом в дискотечную, откуда раздавалось мерное буханье, его встретил гнусный плакат: «Дископарад хитовых мелодий»!

У Владимира позеленело в глазах, сделалось жарко, и одновременно (странно) очень холодно. Вот затемнённый людный зал, в лучах прожекторов и цветных пятнах мерзко крутящегося шара – Евгений и Оля, в позах, которые нельзя истолковать иначе, как вызывающий разврат.

— Что ты так вытаращился, мы танцуем, давай-ка с нами! – Онегин хлопнул друга по плечу.

— Вы оба... вы просто хиппи несчастные! – только и нашёлся выкрикнуть Владимир. Повернулся, чуть не упав, закружившись во вьюге радужных зайчиков, и выскочил из дома с колоннами.

Через полтора часа он был уже в вагоне, возвращаясь в Москву.

13. О вреде пива после водки

Уже вкушать услады брака
Владимир губы раскатал,
И вот вам: ссора, чуть не драка,
Измена Ольги и скандал!
Кокетка, как ты низко пала!
Всё к чёрту. Пистолетов пара,
Две пули – больше ничего –
Пронзить растлителя чело.
Да как же: вместе пили-ели,
А нынче секундантов ждут?
Мишель Зарецкий, старый шут,
Везёт записку о дуэли...

«Мужское достоинство», эта дебильная острота журфаковских курилок, перешла в народ – уже не игривой шуткой, а техническим термином, заменяющим менее пристойные обозначения того, что прячут в брюках. Ленский, правда, сам иногда шутил в этом духе.

Но теперь, сидя в тёплом купе ночного поезда, он бормочет что-то – именно про мужское достоинство, и даже, кажется, про девичью честь. Странно эфемерным обернулось то, что он считал непоколебимо состоявшимся, и честно заслуженным всей его прошедшей жизнью. Было стыдно, что он, литератор, так глупо выкрикнул про хиппи.

Через дверь угадывается запах торфяного дыма: проводницы топят свой титан. Володе – ни к селу ни к городу – вспоминается чарующая романтика железных дорог времён детства: вагоны с загадочными буквами «М.К.Дон», сладкий чай в подстаканниках, домашние крутые яйца – с припасённой в бумажке солью, сыроватые простыни, крики проводницы: «Слаживайте постели!».

«А как слаживают?» – толкал он родителей, но те отмахивались, озабоченно натягивая чехлы на чемоданы.

Вынырнули с самого низа памяти страшноватые и гулкие, словно баня, вокзальные буфеты с жигулёвским пивом, сардельками и вязкой тушёной капустой. Владимиру остро захотелось жигулёвского пива.

— У вас есть пиво? – спрашивает он железнодорожных тёток,

деловито копошащихся в своей кладовке.

— Нет, что вы, нам не разрешается, – быстро говорит одна. А другая улыбается грустному черно-волосому парню:

— Но если, конечно, для хороших людей...

Выпив две бутылки, Володя заснул. Перед ним на фасаде странного ночного клуба какая-то надпись, выведенная ярко светящейся пластмассовой трубкой. «Что это за чудо физики?» – удивляется он во сне.

У дверей толпа, но заходить внутрь не торопятся: надменные охранники, кажется, ведут отбор.

— Тебе сколько лет, пятнадцать? Иди к маме с папой, у нас не для малолеток.

Порочная школьница с торчащими во все стороны ярко-розовыми волосами верещит непонятно:

— Ты чего, совсем даун? Меня пригласил промоутер, позвони ему!

На носу у соплячки родинка... нет – блестящий камушек, будто серьга! Из недр фантастического автомобиля поднимается шикарная красотка. Окружающие кричат:

— Смотрите, сама Юля Амбер! Юля, проводи нас!

Королева безмятежно wpłyвает в двери, махнув в сторону охраны странной плоской сумочкой без ручек.

Владимир посреди зала, стен не видно: теряются в голубой мути. Входящие со всеми целуются, дру-

зья, что ли? Многие в джинсах – но непристойно обтягивающих, даже спадающих, выказывая пупки.

Высоко, чуть ли не под толчком, встаёт за вертушки диджей.

— И-й-й-е-е-е!!! – визжит зал, подняв руки.

— Зажигай! Отжигай по полной!

«Наверно, должны зажечь прожектора» – решил Володя, но свет не включили. Зато ударили ритмы электронной музыки, они возбуждают движение на танцевальной площадке, постепенно разгорающееся.

Каким-то образом Володя обнаруживает себя перед баром.

— У вас есть жигулёвское пиво? – спрашивает он, намереваясь поставить себя солидно. Два темнокожих буфетчика переглядываются с кривоватыми ухмылками:

— Хотите, сделаем вам «мохито», «секс на пляже»?

Эта произнесённая громко непристойность заставила стесни-

тельно оглянуться на барышню, стоящую вблизи. Но та вдруг вскакивает прямо на буфетный прилавок и пытается плясать. Она совсем пьяна, и, кажется, даже потеряла где-то трусики.

«Сейчас вызовут милицию, и её выведут» – но все только смеются.

Страшно хотелось в туалет, но ничего не получалось: в мужской уборной присутствуют почему-то и дамы. Некоторых тошнит. И разбросано по полу ещё нечто – до ужаса неуместное, словно кальсоны в Ленинской комнате: поражённый Владимир узнаёт белёсые резинки аптечных «изделий номер два».

Провалившись в обморочную пропасть, бедняга с облегчением выныривает из кошмара. Шаркая по ночному коридору, доходит до уборной, запирается в тряской кабинке. Смотрит внимательно в грязное окошко, за которым, впрочем, ровным счётом ничего не видно.

14. Если тебе надоел ЦДЛ

Собою Ленский не владея,
Не мог связать со злости фраз:
Онегин вновь затеял фарс,
Взял секундантом он лакея!
Тут ждѣшь приять гробницы хлад,
А эти черти всё хохмят.

В то самое время как оскорблённый Ленский крутится на вагонной полке, летя в Москву, далеко от него, в морозной и бесснежной казахской степи близ железнодорожной станции Тюра-там, полковник Гремин глядит на заинде-

вевшую ракету с дымком кислорода в прожекторных лучах.

Школьник Витя Гремин любил читать романы о полётах звездоплавателей. По малолетству – немножечко даже сомневался: вымышленные это события, или ре-

альные, такие, как подвиги полярников. Не напрасно же издана толстая книга, которую советовала прочесть серьёзная тётя – библиотечкарь.

Объявили Международный геофизический год, что-то готовилось; в журналах проскакивали странные статьи: как принимать сигналы искусственных спутников Земли. Мало кто понимал, о чём идет речь.

Четвёртого октября Витя восторженно узнал, что вместе со всем человечеством вступил в новую эру. Печатали фотографии первого спутника, называли часы и минуты, когда его можно наблюдать. Народ высыпал на улицу, многие кричали: «Вижу, вижу!» – хотя шанс увидеть имели только счастливые обладатели биноклей. По радио зазвучали новые, уже космические сигналы точного времени: шесть коротких гудков (вместо прежних двух длинных и одного короткого).

Повзрослевший Виктор выходил по физике и математике на «пяť», мечтал попасть на физфак МГУ, но оказался в военной академии – тут смог пособить влиятельный отец...

Не впервые присутствует Виктор Иванович при предстартовом отсчёте времени, но каждый раз охватывает его знакомое волнение, смешанное с гордым торжеством. Дымки из клапанов вдруг пропадают, и Гремин знает, что это значит.

— Товарищ полковник, прошу в укрытие, начался наддув баков, – подбегает к нему капитан. Гремин неохотно следует за ним.

И вот – зажигание, грохот ослепительного в ночи огня.

— Главная ступень!

Гремину представляется, как скорость огненного газа в узком горле сопла Лавалья достигает скорости звука, – поток, отрезанный от пекла камеры сгорания, несётся по расширяющемуся рупору, превращая по пути свою немыслимую температуру в нарастающую скорость. Он знает, что сейчас раскалённое облако над стартом, заставлявшее дрожать горизонт, всосалось вдруг вниз, под плиты, за водяную завесу мощных форсунок.

— Есть КП! Точное время старта... – слышит, наконец, полковник.

Значит, сработал *контакт подъёма*: носитель сошёл с пускового стола. «Старт произошёл!» – немедленно отзовутся операторы в подмосковных Подлипках и в мало кому известном городке Голицино-два.

Ракета уходит за ночные облака, набирая скорость. Снова ёкает что-то внутри: сброшена система аварийного спасения, теперь тем, двоим пилотам – назад пути нет, только вперёд и вверх, держа курс к солнечному восходу. Сейчас на дальнем измерительном пункте, где утреннее солнце подсветило уссурийские сопки, – дюралевые чаши антенн устали в одну точку, в пяти градусах над горизонтом. Ровно через четырнадцать минут с момента пуска – лейтенанты с пушками в петлицах, вглядывающиеся в зелёные экраны, закричат: «Есть сигнал!».

Впрочем, от дел значительных вернёмся к житейским проблемам неважных людей. Сюжет романтического повествования заканчивается смертью – просто по законам жанра. В эпоху литературного романтизма – в ней, смерти, виделась некая особая красота!

Наш Володя Ленский тоже романтик, и теперь, бродя по московским улицам, примеривает на себя эпизоды летального исхода. Дуэли давно отменены... Лишить жизни изменницу Ольгу, или фальшивого друга Евгения – такие идеи отброшены из эстетических соображений.

Следующая мысль: покончить с собой – показалась очень приличной, какой-то благородной. Достать где-нибудь пистолет... Володя воображает: он нажимает на курок – выстрел... И ложный друг клянёт себя за всё происшедшее, а легкомысленная красавица в добровольном монашестве ежедневно навещает строгую, но скромную могилу того, кого она при жизни не оценила как должно. И, склоняясь над замшелой плитой, шепчет:

— Прости... Ты прожил короткую, но прекрасную жизнь. И умер достойно...

Что-то в этом духе лепетал Володя в ответ на расспросы своего маститого шефа (подписывавшего свои публикации как Павел Хмара).

— Погоди, ты в армии-то служил, стрелял? – спросил шеф.

— Нет...

— Оно и похоже. Нажимают, знаешь ли, на спусковой крючок. А курок разве что взвести можно. –

Павел Феликсович скомандовал: – Ну-ка, парень, нынче пятница – поедем со мной, посидишь, выпьешь, оно и оттянет.

В дубовом зале ресторана Центрального дома литераторов назначена была встреча двух друзей. Гремин, вернувшийся с запуска, поведал бывшему коллеге о полигонных делах – *довёл* ему, как он выразился. Володю отправили изучать изречения знаменитостей, украшающие стены зала: *«Если тебе надоел ЦДЛ – значит, и ты ему надоел!»*. А тем временем Павел Феликсович, мягко улыбаясь, рассказал другу о декадентских настроениях своего невезучего спутника.

— Поверьте мне, дорогой Владимир, – сказал Гремин вернувшемуся к столику парню, – я повидал достаточно смертей. Никто не умирал красиво, «с гордо поднятой головой», «с удовлетворением от достойно прожитой жизни». Смерть – это за пределами эстетики. Да и морали...

Полковнику было хорошо известно, что остаётся после аварий новой техники, под прицелом отработавших своё и обросших снеговой шубой труб пожарных систем. Нет совершенно ничего возвышенного или хотя бы поучительного – в моче и крови, в разбрызганных по грязному бетону мозгах, в бессильных шприцах с обезболивающим, в жалких, умоляющих глазах или криках человеческого обрубка: *«убейте меня!»* – картина, которую не изгнать из памяти потом никогда. Но не станешь же говорить об этом – здесь, в ресторане, за армянским пятизвёздочным коньячком и

котлетой по-киевски, сочащейся маслянистым соком, украшенной резной бумажкой, так подходящей к резному же восхитительно пахучему листку сельдерея!

Нет, не развеял тоски Ленского «творческий» ресторан. И на следующий день Владимир, продолжая размышлять о красивой кончине, направился зачем-то прямоком на кладбище!

15. Пьяный романс

Кого стремления манили,
Кто, может, был блаженства близ, –
Того венчает на могиле
Претенциозный обелиск...

В московском доме дознались, конечно, что Ленский рассорился с невестой, и что каким-то образом виноват Онегин.

Михаил Зарецкий перехватил Володю по пути на погост:

— Ты, Лев Толстой, смирился, что ль? Спок, мы всё дело, гля, уладим... поучим учёного, Женьку... по-рабочему. Батю его уважаем, но вот яблоко от яблони... паршивая овца, как говорится.

— Не надо, ничего-то этим уже не поправить, – вздохнул Ленский. – Значит, судьба!

— Фигба! Эх, прокладка...

Надо пояснить, что Миша Зарецкий был механиком и любил свою работу. Входя из утреннего сырого сумрака в яркий цех, с удовольствием вдыхал запах горелого металла. Издевался над паршивыми интеллигентами, классом-прослойкой, или (что понятнее) «прокладкой», приносящими в направку свои никчёмные тупые ножи из дрянной стали – за то, что смешно говорят: «точило» вместо – «заточной станок».

Ему нравилось разложить промытые в керосине детали на

куске *мерного лóскута*. Любовно оглаживая, смазать – обязательно светлым маслом ЦИАТИМ.

Михаил всё-таки притормозил Евгения у подъезда. Был вдвоём с другим работягой – из электроцеха.

— Ну-ка, постой... ишь, заторопился! Деньги считать, что ли, спешишь? счетовод... – сострил Мишель. – За сколько там рублей друга продал, а?

— Вы что это, Михаил? – смутился Женя. – Проспитесь.

— Ещё грубит, Ворчелло Мастрояни! – поддержал электрик. – А напирать?

— Мы щас его... того... по-рабочему.

Раздалась песня: кто-то пьяно горланил глупейший дворовый романс.

В нашем сумрачном Нагатине,
У трамвайного кольца,
В душу мне вчера нагадили
Два безусых огольца...

К подъезду, покачиваясь, приближался не кто иной, как сам Онегин-старший.

Как по мне их пальцы рыскали!
Как казалась жисть горька...
Угощала их ирисками
Тётя Шу-у-ура из ларька.

— Эх, Шура, сколько горьких упрёков, слёз... Что вижу: мой Женька в хорошей компании? Правильно, поговори с людьми, они и насчёт жизни подскажут, поправят курс. Не понимаешь ты ещё многого... Науке неподвластно.

— Здоров, Пётр Петрович... Вот, направляем как раз, – смутился Миша: – Отбил невесту у дружка.

— Дай-ка закурить... Выропил где-то «Север», полпачки. Я – все песни знаю.

Там, за дальней подворотнею,
У парадной, где мосторг...

— Нелицеприятный, конечно, случай; однако объективная реальность, – рассуждал родитель. – Невесты эти самые... за пропиской в столицу лезут, лимит! Отца её знаю, Степана, такой же проходимец, партбилет даже отобрать хотели, вызывали на спецкомиссию. Но я поручился: может, думаю, сват будущий, пусть уж.

Работяги переглянулись: дело оборачивалось неожиданной стороной. Евгений, ухмыляясь, юркнул в дверь: «спасибо, выручил враль папаша!». Пётр Петрович направился к обледеневшему доминошному столу, продолжая распевать:

И читает в репродукторе
Речь суро-о-ово Маленков!!!

А Володя Ленский, тоскуя по-прежнему, добрёл, наконец, до

известного московского кладбища. Хотелось думать, что высматривает он местечко для собственной будущей могилы. Походил по аллеям, почитал надгробья. Странно: траурное настроение не приходило, напротив, как-то светло сделалось на душе!

Нет, не одно только предательство в мире. Вот – жили люди, окончили свой путь, и их помнят.

Взгляд Владимира упал на торжественную плиту с казенной надписью: *Опорт Тучемесов-Тучемесьян, заместитель секретаря парткома НИИ «Гидрошпиндель»*. И воскликнул журналист:

— Ну не досадно ли: до секретаря не дослужился человек; ещё бы годик – и очередные выборы... А тут нежданно черту подвели – земной повестки дня. И вот вам: заместитель (по идеологии, быть может?) предстаёт пред Господом, предъявляя билет с честно уплаченными взносами!

Владимир задумался над драмой незнакомого человека. Интересно, от чего умер – инфаркт, вероятно. Был трудяга, хотел добросовестно сделать карьеру, всего опасался. Однажды крепкому идеологу поручают... ну, скажем, отобрать произведения сотрудников на выставку самодеятельного творчества. Кто-то представил мастерски изображённого Иисуса. Отклонить прекрасную работу жалко. Но и Христос противоречит партийной линии.

Партработник переживает, но находит выход, и работа оказывается-таки на стенде. Под названием: «Икар».

Члены парткома укоряют шутовливо:

— Икар в терновом венце? Ну, ты юморист, Опорт Джавахарлалыч, смотри: подумают, что проявил незрелость, не понимаешь линии.

— Да бросьте вы, и времена сейчас не те... – машет рукой позеленевший функционер.

Но дома становится мужику плохо. Потом совсем плохо. И вот его погребают с почестями, а директор говорит на заседании местного комитета:

— Деньги на памятник выделяем из директорского фонда, работник-то был – плохого слова никто сказать не мог. Мрамор чтобы чёрный, надпись золотом...

Воображение летело дальше, и Володя решил описать существование и кончину типичного человека эпохи. Выйдет роман, молодой автор прославится, будет посещать дубовый зал ЦДЛ, оставит смелый, глубокий мыслью автограф... И пусть они ещё пожалеют, что так обошлись с писателем.

Он решительно повернул домой.

16. Триумф

Ну да, ну да, в садах лица
Не округлялся ведь в лице я,
Там не был я любимцем муз...
А все же, думаю, возьмусь!
Чуток осовременим рифмы,
Длину попутно сократив
(Но фабулы не супротив!),
И станем ляпать вкось и вкривь мы,
Не труся авторских Фемид:
Ведь Пушкин иска не вчинит!

Кого удивишь сейчас заграничной автомашиной? А в те годы редкая на улицах Москвы иномарка была приметой жизненного триумфа, независимости от известных обстоятельств. Стоявшую у тротуара машину обступали: заглядывали в салон, под днище, восхищались приборной доской. Кивали многозначительно на шкалу спидометра, где крайнее деление показывало «240». Полагали это за максимальную скорость, которую может развивать автомобиль.

Сёстры Ларины собираются в Москву, поступать в институт. В

какой – пока неясно, но за этим дело не станет. Главное: в Москве живёт тётя Люба, медработник, у которой можно поселиться – пусть на время.

Любовь Дмитриевна работает в военной поликлинике, место считается завидным. Но добрая женщина совершенно никаких выгод от того не имеет, за исключением презентов в виде коробок конфет, которые охотно раздаёт знакомым – съесть самой невозможно! Да и грех, пожалуй. А радость от греха претворяется в печаль – это она знала твёрдо. Потому что твёрдо,

как алмаз, слово Господа: «Ей, гряди скоро».

В поликлинике Любе мила вся привычная атмосфера медицины: толстостенные банки с дезинфицирующими растворами, пузырьки с лекарствами, бюксы, мензурки, стеклянные шкафы.

Ей хорошо известно, что существуют импортные препараты новых поколений, и даже (трудновато вообразить!) одноразовые шприцы. Учреждению выделяли этого добра очень мало.

— Закупается за валюту! — объясняло начальство. — На всех не напасёшься, только для генералитета.

— А другим что же — одна глюкоза? — возмущались врачи. — Вот и всё у нас так!

Любовь Дмитриевну подобное не слишком тревожило, она знала: главное для больного — попасть под присмотр, в атмосферу неторопливой врачебной надёжности и стерильности, под бок к бутылкам с дистиллированной водой или физраствором. Иногда уже от одного этого делается легче!

Каждый тащил что-то с работы, к чему имел доступ, но такого кристальная тётя Люба не могла себе позволить — за одним исключением. На её домашней полке стоит превосходный набор клизм! Целая линейка — от гигантских профессиональных клистиров до совсем ползунковых резиновых спринцовок. Нравится ей этот комплект ужасно. И, кто знает, когда-нибудь может послужить, оказать себя.

Девочки Ларины въехали в пустующую комнату, Оля помчалась по приёмным комиссиям вузов. Таня осталась дома — о чём-то раздумывать.

Получив генеральское звание, Владимир Иванович Гремин приобрёл и некие лакомые возможности. В кабинетах зашелестело непривычное словцо «откат». И вот, с помощью гражданских подрядов, наладился небольшой бизнес. С несговорчивыми разговор короткий: «выполненная работа оплате не подлежит» — звучит, как параграф каких-то строгих военных установлений.

Престижную автомашину «Форд» Гремину выделили от министерства, как и другим из начальствующего состава.

— Теперь только жениться вам и осталось: человек-то нестарый, — в шутку заметила Виктору как-то на процедуре Любовь Дмитриевна.

— Да ведь мы, военные, в обществах не бываем, — подыграл Гремин. — Познакомиться негде, хоть бы сваха какая объявилась.

«Господи, — вдруг сообразила тётя Люба, — это, может, Танькина судьба, от Бога. Ведь не знаешь, что выкинет в столице дура-девка».

Вечером Люба завела разговор с племянницей. Та вдруг поси-нела, осела на ковёр, тётка едва успела подхватить. Побегала за раствором аммиака и ватой, и даже машинально стала искать опытным взглядом резиновую грушу подходящего номера.

Ничего непоправимого, однако, не произошло, и через два месяца Татьяна именовалась уже Греминой. Хозяйкой хорошей квартиры и завидного автомобиля.

Вот супруги подкатывают к магазину, приятно чпокает дверца. Гремины предвкушают, что оставленный у тротуара «Ford Scorpio» станет предметом вожделения людей обычных. И, для полного завершения картины, Таня оставляет в салоне изящный аксессуар – примету её бесспорного и окончательного торжества. Конкретно: заграничный журнал на сиденье и большого мишку у заднего стекла.

Сестра Оля уже учится в столичном вузе, студентки передают

стеснительно друг другу сложенные во много раз сероватые газетки «СПИД-инфо». Считается, что нацелено изданию на профилактику известного заболевания:

Даже в дальней Антарктиде
Люди думают о СПИДе.
Ох, коварен этот СПИД!
Ты-то спишь... А он не спит.

Замелькали на прилавках кооперативные книжонки, переведенные с западных – советы сексологов. Деловитая Оля Ларина говорила замужней сестре:

— А что, всё это важно знать, полезно для жизни. Ты прочти, нечего смущаться. И Таня читала.

17. Услады творчества

С тобой, эстет, бывало всяко:
Ты славу пел орлу Мысхако,
Потом, хихикая в кулак,
В углу слюнявил ты «ГУЛАГ»...

В военном 1943 году десант под командованием Цезаря Куникова высадился в местечке Мысхако у Новороссийска. В героической операции участвовал мало кому известный тогда политрабботник Брежнев.

Об этом Вова Ленский некогда прочёл в книге Л.И. Брежнева «Малая земля» – её проходили в школе. Воспоминаниям генсека воздавали лицемерные хвалы, а родители приносили читать в мутных фотокопиях солженицынский «Архипелаг ГУЛАГ». Они же рассказывали, что мемуар советского лидера на самом деле написали журналисты (по секрету называли Аг-

рановского). Володя был удивлён, что вот, журналист – а пишет большую книгу, ему нравилось, как написано.

И теперь Владимир Ленский решил, что его журналистской практики достаточно, чтобы взяться за серьёзную вещь. А «Очерки» П.С. Когана будут хорошим подспорьем.

Задуманный роман шёл вяло, а жить на что-то надо... На уличные лотки высыпались халтурного перевода детективы – американские, ранее недоступные. Книжки расхватывали, и Владимир тоже взял несколько: перенять, быть может, опыт – в тайной надежде по-

быстрому написать что-то подобное, чепуху, ради приработка.

Но чтение оказалось Ленскому свыше сил. Быть может, он не понимает западных реалий?

Расследование начиналось с анализа следов. Найден футляр губной помады – и на нем, конечно же, выгравированы инициалы владелицы! «Странный обычай» – удивляется Владимир.

О чем поведает шляпа? Шерлок Холмс начал бы выискивать волоски и потёртости – а зачем? На подкладке название и адрес магазина, а в магазине (тут Володя совсем опешил) книга записей, по которой в два счёта устанавливают, кто и когда купил такую шляпу. Да и продавец запомнил приметного покупателя.

И окурочек даёт следствию ни точку: ведь сигареты изготовлены по спецзаказу из особого табака – неужто такое бывает? Записка – не на случайном клочке, а на уникальной бумаге с золотым обрезаем. Нечего и говорить о носовом платке или шарфике с вышитыми инициалами.

Знаменитый детектив даже не обязан мараиться лично: еще не остыл труп, а уже (непонятно каким образом) в продаже экстренные выпуски газет с подробным отчетом о преступлении на три полосы.

Убийца, чуя сыщика, заматался... На чём его и ловят. Подняться в лифте – было уже ошибкой. Почему-то в кабине всегда есть лифтёр! Он даже через много дней опишет подозрительного субъекта.

Проезжал ли по шоссе автомобиль? Нет ничего проще, чем спросить на автозаправке: там настолько приметливы, что помнят, как два дня назад (верно-верно!) промчался мимо синий седан с тремя пассажирами. Все мы тут его запомнили.

А телефоны? Детектив обращается на телефонную станцию, а оттуда (вот чудеса-то!) уже спешат сообщить, куда и когда звонили с аппарата. Похоже, что любой звонок проходит через телефонистку. И она, между прочим, хорошо помнит именно этот вызов: голос показался, видите ли, взволнованным.

Злодей ударился в бега. Но скрыться непросто, снова наготове экстренные выпуски газет – на этот раз с подробным описанием примет! Бдительность поражает: в каждой закуской злодеев опознают – ведь по радио объявили, что двое скрываются на автомашине... Так вот же: как раз двое. И как раз на машине – совпадение невозможно. Вон человек, портрет которого вчера показывали по телевизору. Сию минуту проехал мимо!

Нет, Ленский ничего подобного сочинить в жизни не сумеет, настолько всё надумано. Да и совсем не его это тематика... Вдруг зазвучало непривычное слово «фэнтези», – так вот оно, то, что ему нужно!

Романтик Владимир воспрял духом. Сев за работу, бойко начал с описания героя. Тело – конечно, мускулистое, крепко сбитое. Дышится полной грудью. А вот сердце ноет в непонятной истоме, его что-

то теснит, кажется, хочет разорваться.

Лицо сказочной красоты, обрамлённое густыми кудрями. Скулы тонко очерченные (или нет: грубо слепленные). С тонкой бледной кожей, тронутой нежным румянцем. Глаза – огромные, тёмные (а может, карие?), светятся угольками на снегу, слёзы медленно катятся по щекам, которые целует свежий ветер.

Да, кстати (сообразил Владимир), надо бы сперва обрисовать пейзаж? Пусть это будет зачарованный лес. Земля устлана золотым (поправка: изумрудным) покровом (нет, зачёркиваем: ковром), краски

яркие, как бы собранные из редчайших самоцветов (лучше: взятые с палитры художника), осень медленно танцует вальс-бостон.

Начало явно удавалось. Приступив к выстраиванию фабулы, и дойдя до фразы: «его сознание кипело от противоречий, напрашивающихся в связи» – Ленский ненадолго задумался...

* * *

В этой точке мы должны, по некоторым причинам, расстаться с нашими героями. Дадим свободу и, вернувшись к ним через много лет, поглядим, как они ей воспользовались.

18. Второе пришествие Юлии Амбер

Онегин, вслед иным повесам,
Поездил, так сказать, по весям,
Вкусил, что твой Сарданапал...
И вот он – с корабля на бал.

Под утро снится Евгению Петровичу Онегину кошмар. Будто бы собрался он в театр – в компании с девушкой. Кто она, и в который именно театр – неясно; впрочем, пьеса классическая: «Иванов».

С билетами заходят в зал, места где-то на задах. И дева недовольно спрашивает:

— Куда же ты меня привёл, любимый?

Евгений видит, что насладиться спектаклем не удастся! Потому что посреди возвышается нечто вроде павильона: VIP зона с буфетом, чтобы гордые победители могли смотреть спектакль, не отрываясь от закусок и напитков. Со-

оружие напрочь заслоняет задне-скамеечникам всю сцену.

Робеющий Женя оправдывается:

— Гляди, вот это монитор. Мы будем видеть всё действие на экране!

— Я-то вижу другое: зря с тобой сошлась, сейчас была бы уже fashion-редактором.

Евгений не понимает – причём тут редактор? Но показать вида нельзя, потому что так надо. Странно, что не начинается спектакль, да и с часами не всё в порядке: стрелки ужасно перепутались и совсем не держатся на оси.

И вдруг соображает: девушка пропала! Уже противно догадыва-

ясь, что потерял её навсегда, Онегин решает: проберусь по залу вперед, вдруг она нашла порожнее местечко в партере?

Подходит поближе к сцене... И цепенеет от ужаса. Вместо сцены тоже буфет!

Проснувшись, Евгений припомнил сон, удивляясь, что могло его напугать. Даже улыбнулся: теперь он и сам мог бы претендовать на место в VIP зоне, если бы такую открыли! Не то, что в своё время.

А в своё время, получив, как полагается, диплом, Женя поступил экономистом в очень серьёзный институт. Но ожидаемой размеренной работы в удовольствие не получилось.

Настала пора небывалого доселе дефицита. Замельтешили талоны, визитные карточки москвича. Вдруг – неожиданные профкомовские вбросы товаров: венгерской обуви, а то и невиданных «тампаксов». За последними выстраивалась дамская очередь; мужской контингент интересовался:

— Что это там дают в симпатичных коробочках?

— Бабские фитили! – злобно рывкали в ответ, а деликатный Евгений краснел.

Удивительным казалось сочетание: нехватки самого необходимого – с появлением каких-то диковинных предвестников изобилия. Рассыпались по улицам коммерческие палатки, «комки». Чего только в них не попадалось: сигареты без талонов (но уже совсем по другим ценам), колбаса «роксана» –

необычайного ярко-красного цвета, химические ликёры, жевательные резинки, китайские радиобудильники и зонтики.

Такая же сумятица была в самом институте. Зарплаты номинально росли, но купить на них можно было все меньше. А в «комках» – и вообще ничего.

В коридорах замелькали смуглые личности, которых раньше не подпустили бы и близко – просто по фейс-контролю. Наглецы проходили прямо в кабинеты руководства и подолгу там оставались; в приёмной скучал халдей с чемоданчиком Nokia Talkman, сбоку ящичка висела трубка на витом шнуре.

Началась сдача помещений в аренду; стендовые залы пропахли лавровым листом и гвоздикой. Но финансы предприятия от этого не поправлялись, а даже больше хромали, и Евгений знал, почему. Зарплаты задерживали; впрочем, народ не спешил жаловаться: начали возникать малые предприятия. Евгению говорили:

— Гляди, экономист, вот и позволили малый бизнес, как на Западе. Теперь дела пойдут, работаем на свой карман... заинтересованность, понимаешь. Да и накладных расходов минимум.

— Вы разве не понимаете, что ваши МП – это просто прокачечные? – объяснял молодой специалист.

— Как-как?

— Ну, инструменты для обналичивания.

— Хм, допустим; и что же тут такого?

— А то, что в условиях госфинансирования всей промышленности — никакая экономика такого не выдержит.

— Ну, это ты зарываешься, молод ещё, нет нашего опыта, нет неколебимых устоев, — отходили от него старшие коллеги.

Евгению приходилось подрабатывать какой-то дурацкой торговлей шмотками, чтобы купить банку растворимого кофе. Однако бывали моменты, когда он ходил с авоськой, полной советских «красненьких». В атмосфере витал запах больших денег; вынырнули то ли новые, то ли старые вспомненные словечки: «каты», «штука», «пятихатка».

Евгений Петрович вздыхает и с удовольствием вспоминает, что вечером идёт в «Новую оперу» с интересной подругой. Юлия Амбер — дама гламурная, искушённая, и,

кстати, аттестует себя специалистом по работе с молодежью.

— Это как: откачивать малолетних наркоманов, что ли? — шутит Евгений.

— Какие гадости вы говорите, Женя... — вяло отвечала Юля, поигрывая модным *клатчем*. — Вам же отлично известно: я занимаюсь молодежными брендами одежды. Вот летом поеду в Барселону на выставку. Потом устрою в Москве выставку художников...

Нечего говорить, шикарная спутница для досуга. И фамилия Амбер какая-то выдуманная — подобные полагаются для виртуальной жизни в безмятежной стране хоббитов, что ли... или дураков. Жаль, в последнее время Онегин слышит иногда в ночных клубах от разгулявшихся молодых мерзавцев: «А тебе, папаша, пора бы домой, спать».

Он ещё себя покажет! И в урочный час Евгений двинулся в направлении Каретного ряда.

19. Скандал

Когда-то, пошло хулиганя
И тешась чувственной игрой,
Чем станет умненькая Таня —
Не мог предвидеть наш герой.
С такой пройтись — и то бы лестно:
Всё тонко, мило, вкуса бездна.
И рядом, службой опалён,
Супруг — столетний Аполлон.

В фойе «Новой оперы» оживлённо: московские меломаны готовятся получить наслаждение от прекрасной музыки Пьетро Масканьи. Дирижировать должен Колобов, поставил спектакль режиссёр мирового значения. Предвкушали

незабываемое событие. Никто не догадывается, что перед самым началом оперы произойдет другое, отвратительное событие, даже попавшее потом в скандальную светскую хронику.

Из театрального гардероба идёт, улыбаясь и небрежно раскладываясь со знакомыми, Женя Онегин – герой гламура, завсегдатай клубных вечеринок и модных выставок. Былое занятие секонд-хэндом переросло в новую профессию: какое-то время назад был он известным (в узком кругу, конечно) арт-дилером. Богатые люди не знали, что с деньгами делать. Было время красных пиджаков, дурацких золотых цепей, анекдотов про «новых русских». Вещи в престижном месте стоили ту же сумму, что и в рядовых «шопах», только не в рублях, а в долларах. Клиентам легко *впаривали* что угодно: толком никто не знал настоящей цены деньгам и товарам.

Дефолт 1998 года Евгений предвидел, загодя перейдя в небольшую фирму – специалистом по связям с общественностью и по видеоарту. Теперь, в почти сорокалетнем возрасте, вошёл в крепкий бизнес, числится управляющим партнёром сети мультибрендовых бутиков...

Далеко не каждый, зарабатывающий на жизнь продажей в электропоездах ароматизированных стелек для обуви (с запахом банана или клубники) способен понять, что означают иные из профессий... А этому странному миру взаимно неинтересны люди, не посещающие шоу-румов, не интересующиеся весенне-летней коллекцией от Блескуччи и сопутствующими ей вещами.

А вот и Таня Ларина (по мужу – Гремина) с немолодым супругом. Мы оставили полковника у

самых истоков его сомнительного бизнеса. Начались девяностые, годовая инфляция составляла – ровно десять раз. Расходовать полученное следовало немедленно.

Открылся бум компьютеризации, мгновенно делались лёгкие деньги. Таможенные брокеры за один день наживали суммы, о которых судачили шёпотом – и с ужасом. В компьютерных фирмах заговорили о том, что пора бы «учиться тратить». Пошёл вал идиотской, никчемной рекламы. А Гремин (уже генерал) узнал, как выглядят доллары США.

Генерал-майору и его красавице жене повезло с командировкой за границу. Таня всегда завидовала «выездным», возвращающимся из-за рубежа.

— Витя, мы тоже должны подумать, в чём сойдём с трапа. Представь, знакомые треснут от зависти: на нас нет абсолютно ничего из этого убожества, только заграничное, и всё новое.

— Но, Таня, тут так дорого, а ведь жить ещё надо! – робко возражал супруг. – А потом – докладываю тебе: я хочу привезти отсюда в Москву обои, сделать шикарный ремонт.

— Значит, придется экономить валюту. Не обязательно тебе каждый день пить своё пиво!

Чету Греминых, вернувшихся в дорогих замшевых пальто с рулонами дефицитных обоев, ждал неприятный сюрприз: оказывается, в новой России подобное продаётся на каждом углу, и даже почему-то дешевле, чем в Европе. Заграничные тряпки никого не впечатлили –

вообще людей было трудно узнать, они стали суетливы и озабочены чем-то своим.

Зато Гремин напрактиковался в языке, он теперь отлично знает, что батарейки с надписью: *GENERAL PURPOSE* – названы совсем не по имени его незнакомого зарубежного коллеги.

Виктор Иванович Гремин, галантно пропускающий сейчас перед собой жену в дверях театра, – уже штатский бизнесмен: ему удалось хорошо подняться на кетчупе. И даже сунулся избираться в Госдуму, но отставному генерал-майору осторожно дали кое-что понять, после чего тот решил не

разбрасываться, а узко сосредоточиться на своей коммерции.

— Кого я вижу, это же Таня! – ахает Евгений, и по-дурацки, чуть ли не раскинув (что было уж совсем неуместно) руки, бросается навстречу. Таня не успела даже понять, кто этот человек, как происходит ужасный афронт. Амбалы – телохранители короля кетчупа – легко перехватывают несчастного и укладывают лицом прямо на затоптанный пол. Из выкрученных рук выпадает, жалко зазвенев, гардеробный жетон номер 339.

Раздался визг Юли Амбер. Замигали фотовспышки модных репортёров.

20. Разговор за кофе

Любви все возрасты покорны,
Будь ты Икар или Дедал.
Она безжалостные корни
В сердца впускает и дедам.
Её от альфы до омеги
Пройдя, опять влюблён Онегин...

Не следует думать, что безобразная встреча в фойе пресекла на корню продолжение истории. Конфуз приглушён, и вот Татьяна и Евгений сидят в кафе на одном из центральных проспектов Москвы. Не боясь обвинений в *product placement*, откровенно сообщу, что это кафе «Весна». Несмотря на скучноватое название – дорогое заведение при дорогом магазине.

Онегин с удовольствием видит: бывшая знакомая похорошела, оделась, сделалась важной и всё прочее... Но не в этом дело, не в этом.

— Евгений Петрович, скажите, чего вы ждали от нашей встречи? – спросила женщина. Её собеседник немного растерялся...

— Таня, буду с вами честным. За прошедшие годы я вдоволь познал боль от женского предательства...

— Не надо пафоса, я уже заметила эту вашу даму там, в опере, – странно сказала Татьяна.

— Помните наше ребяческое нелепое объяснение? – спросил Евгений Петрович. Таня строго кивнула. – Вы сейчас для меня как будто милая вестница несостоявшейся идиллии. Несбывшееся обе-

щение бескорыстной любви и верности, что ли.

— Евгений, я вам немного завидую, вы играете, живя, и живёте, играя, — сказала Таня. — Я так не могу, да и не могла никогда.

— Вы меня осуждаете?

— Ни в какой степени. По-настоящему играть может только свободный человек. Который не порабощён ни своей игрой, ни тем, что за её рамками. Правда, свободный человек нас часто раздражает... — Таня помолчала. — Вы не воображайте, что обязаны мне какими-то сожалениями или извинениями за то, преждее. Дурой была: казалось, что достаточно вырваться на волю, в какие-то зелёные холмы, что там меня ждут. За всё надо платить... я ещё заплачу. Володю Ленского помните?

— Как не помнить, во всех магазинах его книжки: какие-то «Хроники забытых королевств», кажется. И зачем мы с ним поссорились тогда?

Принесли кофе и стаканчики с холодной водой. Таня отодвинула подальше вазочку с кусками тёмного сахара.

— Расскажите, Таня, как вы живёте — ну, вообще? — спросил Онегин.

— А в каком смысле вас интересует? — она усмехнулась. — Вот недавно встал вопрос о приобретении квартиры: апартаменты европейского уровня, чтобы принимать зарубежных партнёров, ну — *статусных персон*. Знаете, одно время ведь казалось, что предстоит не жизнь, а бесконечные приёмы. Да и

страшно хотелось переехать с этой гадкой улицы *Известных Событий* — на Рублёвское шоссе.

— Престиж... — заметил Евгений.

— Да, и, знаете: Виктор даже уведомил старых знакомых: чтобы, дескать, не злоупотребляли визитами, да и не беспокоились насчет подарков. Скромным подношениям не найдется места в квартире, за оборудование которой вот уже взялся нанятый дизайнер. Хотелось достойного окружения, чтобы соседи — не быдло, а персоны равного положения.

Евгений Петрович, повидавший шикарные квартиры, легко представил себе впечатление гостя, входящего в апартамент Гремных: интерьер, вероятно, в стиле ар-деко, анфилада, ниши с подсветкой, дизайнерские вещицы, роскошные диваны, на которых, в аромате цветов зимнего сада, вкушают неземное блаженство счастливые хозяева, наслаждаясь заслуженной негой...

— Значит, вас, Таня, можно поздравить — квартира готова?

— Почти... Дизайнера ведь пришлось прогнать (как-то так случилось). Видите ли, жильё... конечно, в нём хорошо кого-то принимать, зарубежных гостей каких-то. А тут...

— У вас, похоже, успешный бизнес.

— Не совсем. Муж говорит — рынок подминает розничная сеть «Биг Маг», кетчуп «Гремный» там не пошёл. Телохранители (ещё раз извините, Женя!) вообще-то не на-

ши, а новых топ-менеджеров. Муж Виктор, знаете ли, не молодеет; а, сказать прямо – ежечасно надо посещать туалет.

— Ну и как же вы сейчас?

— Жить-то надо. Дизайнерскую чепуху из комнат вынесли – а куда девать обычный скарб? Подсветка испортилась, да и нервировала она, если честно. И вообще... У дочери нашли в школьном ранце презервативы. Её подруга (и ведь запретили же водить!) сдуру просунула руку в кованую итальянскую решётку: мыло не помогло, пришлось распиливать «болгаркой». Временно стоят коробки с продукцией, пёс изодрал кожаный диван...

— А ваша матушка?

— Ольга Фёдоровна лежит с инсультом.

— Вот оно что...

Евгений задумался. В воображаемом зимнем саду повеяло лежалыми памперсами. Сынок, вероятно, забытый за всем этим, угодил в скверную компанию. Из родного городка приехал двоюродный, Михаил, с двумя огромными сумками и в вонючих носках, потерявший на Курском вокзале документы; правда, выражающий скромную готовность устроиться попросту на кухне (объединенной, по проекту кретина дизайнера, с гостиной). Наконец, дорогая сантехника начала мерзко свистеть.

— А как с соседями? – спросил он.

— Вот соседи – с ними всё в порядке, кажется, – оживилась Татьяна. – В квартире справа телеведущая – знаете, эта...

— Ну, кто же не знает!

— Домой, правда, привозят поздно, за полночь. Под окнами включают *хип-хоп* (или, может, это хаус, прогрессив, техно – я тут, как говорит дочка, *не в теме*). У двери – лобзания и громкие выяснения, можно ли сегодня зайти, а если нет, то почему. Слева проживает сынок чиновника, ну, вам известного...

— Да, важная птица.

— Папа отселил, чтобы не мешался в родительской квартире. Этот, к счастью, тихий: уходит в одиннадцать ночи, возвращается поздним утром. В промежутке его почти не слышно, иногда посещают квартиру такие же расслабленные молодые люди со странными взорами.

— Эге, вот это знакомо, – задумался Онегин.

— Ну, вот. Сверху этаж миллионера, как раз владельца конкурентного ритейла «Биг Маг». Живет на широкую ногу, с родственниками, множество чумазных детей. Родня не всегда справляется со спуском воды в туалете и ванной. В лифте вечно натыкаешься на горцев с добрыми и, знаете, очень трезвыми глазами, не брившихся всегда ровно с позавчерашнего дня...

Превосходный кофе допит, осталась неопрятная гуща на дне чашек.

21. Расплата

«Молчать! – читатель крикнет резче. –
Из книги пушкинской святой
Извлёк какой-то чай спитой.
К чему тут шутовские речи?
Твой слог несносен, юмор плох,
И сам-то ты отнюдь не Блок!»

— Таня, вас довезти?

— Я хочу прогуляться – до метро. Подумать, – ответила Таня. – Спасибо, прощайте, Женя. Извините за всё, что я вам наговорила.

— Это вы меня извините. Эх, не так как-то живём...

Татьяна медленно идет по шумливому Арбату, крикливой пешеходной территории, с его уличными художниками, зеваками и попрошайками. И зачем она всё это рассказывала?

Вдруг вздрагивает: глаза упираются в яркую растяжку – *«Территория свободы»*.

Что такое? Ах да, именно здесь, в старинном доме, распола-

гается Центральный Комитет идиотской партии, учрежденной этой сомнительной светской особой, Ксенией Собчак!

Таня отворачивается от праздной толпы, ей следовало бы заплакать... но она отдумывает: прямо под оскорбительным транспарантом, у стенки, среди арбатской суеты, непринуждённо спит на тротуаре вонючий бомж. Таня подходит ближе, зачем-то неловко крестится, достаёт зеленый тысячерублевый банковский билет и (стараясь не вдыхать миазмы) опускает в лежащую рядом с бездомным грязную кепку.